

СЕРГЕЙ ИВАНОВ

ДЖУЛЬКИНО ДЕТСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

СЕРГЕЙ ИВАНОВ

ДЖУЛЬКИНО ДЕТСТВО

Рисунки М. Капустиной

МОСКВА · «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» · 1973

Этот рассказ я посвящаю драматургу Михаилу Герману. Он очень помог мне в те дни, когда — буква за буквой — на свет родился пёс Джулька. И ещё Михаил Герман — мой лучший друг.

За то и за другое большое ему спасибо!

Щенка назвали грозно — Джульбарс. Но ростом он был пока что меньше кошки, и лапы под ним качались. Только два дня назад у него открылись глаза. Поэтому видеть он ещё как следует не научился. Только и умел — различать темноту да свет. Жил он в конуре вместе с матерью и двумя своими сёстрами. Ему всего было вдоволь: и молока, и мягкого шерстистого бока, под который так хорошо было залезать, и тёплого материнского языка.

Когда щенку исполнился месяц, за ним явился Лесник.

Он взял щенка из конуры, поднял его на вытянутых руках и стал рассматривать.

— Ну хорош! — сказал он. — Хорош!

— Джульбарс! — сказала Хозяйка.

— Ну уж Джульбарс, — усмехнулся Лесник. — Дружок — это да!

— А вырастет? — не соглашалась Хозяйка. — Так и будет со щенячьим именем всю жизнь бегать?

— Значит, даёшь ему имя на вырост? — опять усмехнулся Лесник. — Ладно, пусть так.

— Слушай, Лесник, — строго спросила Хозяйка, — ты берёшь собаку или нет?

— А как же, беру! — Лесник сунул щенка за пазуху овчинного тулупа. — Ну, поехали, Джулька!

Джулькина мать всё это время вертелась около Лесника, громко лаяла и смотрела жалкими глазами то на Лесника, то

на Хозяйку. А Джулька ничего не понимал и поэтому ни о чём не жалел, он только чувствовал, что ему хочется молока.

Под тулупом он согрелся. Слепота от яркого декабрьского снега постепенно прошла. Он с удовольствием и тревогой вдыхал новые запахи: тулупа, свежего снега, саней. Особенно ему нравился один — резкий и сильный, смутно знакомый запах лошади. Джулька смотрел из-под тулупа на её тёмно-коричневый круп, на переступающие вразвалку нескладные задние ноги. Потом стал смотреть на деревья, которые неизвестно почему отплывали всё время назад. Он не понимал, что сани едут. А деревья были то высокие, то низкие, то зелёные, то чёрные, и снег был белый-белый, и поляны вдруг проглядывали из чащи, и вообще на свете всего было так много, что Джулька не выдержал этого и уснул.

Прошла неделя, потом ещё одна и ещё. Джулька рос не по дням, а по часам. Это на самом деле было так: люди ра-

стут не по дням, а по часам только в сказках, а собаки — в жизни. Джульке не так давно перевалило на второй месяц, а он уже был довольно большим щенком. В доме Лесника он знал все закоулки и каждую половицу глазастого соснового пола. Он уже умел неплохо бегать, особенно передними ногами, а вот задние были пока словно от другой собаки: они всё старались обогнать передние и забегали куда-то вбок. От этого Джулька шлёпался со всего маха. Потом лежал удивлённый, прислушиваясь к стуку сердца и ко всему своему телу.

Пока что Джулька жил в доме. Лишь несколько раз в день Лесник выпускал его прогуляться в маленький палисадник. Всё-таки Джулька был ещё очень мал — мог замёрзнуть, заблудиться. Да и мало ли что!..

А Джульке страсть как хотелось на улицу! Он то и дело шумно принохивался к острому ветерку, струившемуся от двери, скулил и трогал дверь лапой.

Прошло ещё недели две, и Лесник наконец решил: псу пора жить на улице. К тому времени Джулька заметно повзрослел. Теперь уж его нельзя было причислить к той неопределённой породе, к которой относятся маленькие щенки. Нет, всякий сведущий человек сейчас же сказал бы, что Джулька — пёс породистый. Густая недлинная шерсть, ровные клинышки ушей, хвост бубликом, по-особому симпатичная и улыбчивая физиономия — всё выдавало в нём чистокровную охотничью лайку. Леснику — а он знал толк в собаках — щенок с каждым днём нравился всё больше.

— Джулька, Джуля! — говорил Лесник, поглаживая крепкое Джулькино тельце. — Молодец, охотник!

Джулька прижимал уши, улыбался и неистово махал хвостом. Хвост был ему пока слишком тяжёл, и каждый раз увлакивал всего Джульку то в одну сторону, то в другую.

...Было не обычное прогулочное время, поэтому Джулька обрадованно удивился, когда Лесник свистнул его и распахнул дверь. Джулька выбежал на крыльцо и хотел, как обычно, спрыгнуть в унылый и знакомый свой палисадничек. Но Лесник неожиданно подтолкнул его в другую сторону, и Джуль-

ка с восторгом прыгнул в сугроб — окунулся в него с головой, вынырнул, фыркнул и принялся носиться, бороздя носом пологие снежные увалы. Скоро Джульке стало жарко, он поел снегу и выбрался на тропинку, протоптанную от крыльца к проруби. Дорожка эта была похожа на узенькую мелкую канавку, по дну которой слабо текли запахи. Джулька побежал против течения — против ветра. Главный запах был ему знаком и сильно нравился: это был запах Лесника. Вдруг Джулька, сам не понимая, в чём дело, затормозил всеми четырьмя лапами, остановился как вкопанный. Прямо под ним зияла страшная чёрная дыра. Джулька не знал, что это, но понял: попади он сюда — обратно ему не выбрать-

ся! В Джулькином сердце кипели страх и ненависть, он хотел зарычать и не смог...

Лесник, увидев, что щенок стоит над самой прорубью, резко крикнул:

— Нельзя, Джулька, нельзя!

Джулька вздрогнул и попятился от чёрной дыры. С этой минуты слово «нельзя» навсегда соединилось для него с чем-то страшным, чёрным. «Нельзя!» — и Джулька не дотронется до лакомой колбасы. «Нельзя!» — и не растерзает кошку... Но это всё будет потом, не скоро. А пока Джулька с удовольствием бежал прочь от дыры, принюхиваясь к тропе. Вот поперёк проскользнул длинный и невкусный запах смолёных лыж. Джулька остановился на миг, нюхнул — как посмотрел! — в обе стороны по лыжне. Нет, этот запах ему совсем не нравился. Джулька пробежал ещё немного, и тут сердце его вдруг забилося громко, радостно, по-охотничьи: тропинку пересекал прекрасный запах. Он стоял в маленьких круглых ямках — на самом-самом их дне, как вода в пересыхающих лужицах. То был старый заячий след. Забыв обо всём на свете, Джулька бросился по нему. Но сейчас же за домом, где начиналось метелье царство, след исчезал — замело! Джулька попробовал найти след под снегом, но только заморозил себе нос.

Тогда он стал обследовать, обнюхивать утопанные пятачки снега около Лесникового дома, неказистую, будто прихрамывающую сараюшку и сам дом. Кругом стоял заманчивый зимний лес. Джулька мог бы туда побежать, но словно какая-то цепь удерживала его возле дома: щенок побаивался далеко уходить от хозяина.

Лесник всё это время стоял на крыльце и с удовольствием наблюдал за Джулькой. Он думал о том, как научит щенка искать следы, как сделает из него заядлого охотника. Сколько дней и ночей проведут они совсем одни в лесу! А когда Джулька совсем вырастет, станет большим, взрослым псом, охотником, он поймёт, что его хозяин великий следопыт с твёрдой рукой и острым глазом. Об этом тоже думал старый Лесник и был спокоен и счастлив.

А Джулька продолжал носиться по снегу — осматривать, обнюхивать свои новые владения. Наконец он устал, ему захотелось домой, туда, где миска с едой, подстилка в уголку у стены и тёплая печка.

Джулька, шлёпая лапами, взбежал на крыльцо. Однако дверь молчала, притворившись стеной, — она была закрыта. А сам Лесник возился у сарая. Вот он вытащил какой-то ящик... или не ящик? Джульке эта вещь была знакома и чем-то тре-

вожила. Поэтому он так и остался стоять на крыльце и продолжал наблюдать за хозяином.

Это была конура, которая осталась от прежней собаки. Лесник поставил её у сарая — там, где она стояла много лет. Место было хорошее, тихое: справа конуру защищал дом, сзади был сарай, а слева и спереди лес.

Потом Лесник сходил в дом, вынес Джулькину подстилку и миску. Джулька был очень удивлён. Подстилка — это он уже знал — была его «местом», как бы его домом. И вот теперь Лесник уложил её в конуру. Однако Джульке хотелось есть, и он потрусил за Лесником и миской.

Похлёбка оказалась сегодня особенно вкусной. Но едва принявшись за неё, Джулька заметил, что Лесник уходит в дом. А он, Джулька, остаётся здесь...

Щенок бросил есть и помчался следом за хозяином. Но Лесник обернулся через плечо и резко крикнул:

— Нельзя, Джульбарс!

«Нельзя» — это была страшная чёрная дыра. Джулька остановился, не понимая, чего хочет хозяин.

— Место, Джульбарс, место! — строго, но уже мягче произнёс Лесник.

«Место» — это была подстилка. Но ведь она в конуре... Джулька поплёлся к конуре. Ему было обидно. Но в то же время от конуры так хорошо пахло давно знакомым — тёплым, сладким, шерстяным. От конуры пахло собакой, такой же лайкой, как Джулька и его мать. Джульке это припомнилось очень смутно — как будто даже не припомнилось. Он залез в конуру, обнюхал там всё, вылез, доел вкусный суп, сбегал на всякий случай к двери. Дверь молчала, и Лесник не появлялся. Тогда Джулька окончательно вернулся в конуру.

Похолодало. Джулька свернулся в клубок, укрыл морду и лапы хвостом и, поглядывая одним глазом на синеющий и темнеющий снег, на тёмный уже лес, стал вспоминать, что, кажется, была когда-то такая же вот конура... нет, не такая, но очень похожая. И был ещё кто-то — кажется, Лесник... А может, не Лесник...

Джулька уснул и во сне вспомнил, кто был с ним в конуре: ему приснилась большая добрая собака — его мать. Но маленькие щенки никогда не помнят своих снов. И, проснувшись под утро, Джулька уже окончательно уверился, что тогда, давным-давно, в самом начале жизни, в той похожей конуре с ним был Лесник...

Прошла неделя. Джулька вполне освоился с новым жильём и с новыми своими владениями. Как мы уже знаем, дом Лесника стоял на большой поляне, окружённой высоким, как бы дремучим лесом. Конечно, лес этот не был дремучим: ветер приносил сюда скачущий отзвук далёких поездов, по воскресеньям здесь мелькали свитера лыжников. Но у Джульки была короткая память, и по вечерам — особенно по вечерам — ему иной раз мерещилось такое, от чего шерсть сама поднималась на загривке, и он начинал рычать в темноту, стараясь изо всей силы, чтоб рык его вышел побасовитей.

— Ну и Джулька! — удивлялся старый Лесник. — Ну и молодец! Чует!

А Джулька, ободрённый похвалой, принимался громко брехать, и сейчас же в ответ ему начинало браниться эхо. Леснику это скоро надоедало, он говорил с укоризной:

— Ну, Джуля, хватит, не будь пустомелей.

Гавкнув ещё раз пять, Джулька замолкал. Тотчас замолкал и его невидимый противник. Джульку это очень удивляло. А кругом воцарялась такая тишина, что, казалось, было слышно, как стоят деревья, укрытые снегом.

С тех пор как Джулька родился на свет, была всё зима да зима. И Джулька уже поверил, что на свете только и может быть снег и холод. Но вот в середине февраля вдруг грянула затяжная оттепель.

Первые два дня мокрыми волнами накатывался южный ветер. Цепляя верхушки сторожевых сосен, над лесом и над домом шли рыхлые тучи. Леснику нездоровилось, да и Джульке было как-то не по себе. У него тоскливо ныло сердце, и всё казалось, что случится какая-то беда.

Но вышло наоборот. Утром третьего дня вдруг засияло та-

кое весеннее солнце — просто удивление! Выйдя на крылечко, старый Лесник сдвинул на затылок шапку, с удовольствием пыхнул своей коротенькой трубочкой и сказал:

— Ну, Джулька, дожили. Весна не за горами.

Джулька не понял, конечно, что сказал Лесник, но догадался, что теперь уж всё будет в порядке.

А кругом творилось невероятное. Снег, сперва неистово блестящий под солнцем, стал матовый, отяжелел. Теперь он уже не рассыпался под лапами ледяной трухой, а продавливался большими неровными пластами. Бегать по такому снегу было непросто. Очень скоро Джулька упарился. На дворе была настоящая теплынь, почти как в доме Лесника.

Так же было и в следующие два дня. По утрам снег лежал остеклённый хрупким настом, но уже к полудню с дома летели вразнобой крупные капли, а снег старел, темнел чуть ли не на глазах и оседал. С высоких елей то и дело рушились огромные шапки, оставляя за собой хвосты сверкающей пыли и качание ветвей.

Прекрасный этот праздник продолжался почти целую неделю. Потом зима опять взяла своё: сухой белый снег засыпал следы оттепели, а мороз что есть силы кусал Джульке нос и язык. Но Джулька помнил о том солнечном островке в огромном море зимы, помнил и надеялся побывать там хотя бы ещё раз.

А дни шли за днями. Был уже март — первый месяц весны. Мороз куда-то девался и только по ночам нет-нет да и заползал в конуру. Но это уж было не то! Жить Джульке становилось всё проще и веселей. Как раз к этому времени на опушке, у самого леса, объявились мыши. Там и здесь на твёрдом насте виднелись ходы в их норы. И всё кругом было исчерчено незаметными для глаза, но остро пахнущими мышьиными тропами. Джулька с наслаждением вынюхивал эти места, но как поймать мышшь, он не знал. Стоило ему сунуть нос в норку, как мышшь выскакивала из другого входа, бежала по насту, словно коричневый дрожащий шарик, и снова проваливалась под снег. Джулька пробовал караулить, притаившись у норок. Но мыши, наверное, замечали из-под снега его тень. Ведь Джулька был по сравнению с ними настоящим слоном.

Только однажды ему повезло. Из норы, совсем близкой,

неосмотрительно выскочил какой-то глуповатый мышонок. Джулька успел прыгнуть и цапнул мышонка за хвост. Огромное охотничье счастье тут же обрушилось на Джульку. Но это

самое счастье и погубило всё дело. Джулька от радости сильно сжал челюсти, мышонок рванулся и тут же исчез в норке. А во рту у Джульки остался обрывок мышинного хвоста. Минуту Джулька стоял в растерянности. Наконец решил съесть хоть этот обрывок. Но хвост оказался удивительно невкусным. Джулька задвигал языком, затряс мордой и выплюнул свою жалкую добычу на снег. Больше мышами Джулька не интересовался.

Однажды утром — было это в конце марта — Джулька стоял под елью и облаивал синиц, несколько, впрочем, его не боявшихся.

Вдруг к дому Лесника подъехали сани, в которые был запряжён гнедой конёк. Из саней вылез Незнакомец. Джулька бросился к саням и к Незнакомцу, который уже поднимался на крыльцо.

Этому Джульку никто не учил, это он знал сам: есть на свете «чужие», и от них надо охранять Лесника. Джулька уже был у дома, когда дверь отворилась и вышел сам Лесник.

— О, Петрович! — сказал Лесник и протянул Незнакомцу руку.

— Здорово, Кузьма, — приветливо отозвался Незнакомец.

Джулька зарычал, залаял, в его сердце горела огромная страшная злоба. И поэтому, может быть, впервые лай у него получился грозный, как у настоящего пса.

— Тихо, Джулька, свои, — ласково сказал Лесник.

Но Джулька не мог успокоиться. Тогда Лесник крикнул на него строго:

— Нельзя! Нельзя, говорят тебе!

Джулька почти сразу умолк, а Лесник, обращаясь к гостю, спросил:

— Ну как, хорош?

— Хорош! — ответил Незнакомец. — Ничего не скажешь, хорош! — Он тоже был охотник.

— Джульбарс! — с гордостью сказал Лесник, и Джулька, услышав своё имя, вильнул хвостом.

Лесник и Незнакомец ушли в дом, а Джулька понюхал сани, для порядку облаял конька, который стал всхрапывать и бить передней ногой в снег. Через некоторое время Незнакомец вышел, и Джулька уже на него не лаял — помнил про «нельзя». Он даже разрешил себя погладить. Потом Незнакомец сел в сани и укатил по дороге куда-то в лес. Вот и всё. Но Лесник вдруг начал делать какие-то непонятные и тревожащие Джульку вещи. Если б Джулька был человеком, он сразу бы догадался, что Лесник собирается в дорогу. Но Джулька этого, конечно, понять не мог, а только чувствовал прихлынувшую вдруг тоску.

Лесник часто ходил в дом, из дому, потом вдруг запер сарай, закрыл ставнями окна. Потом он вынес целый таз похлёб-

ки и поставил её перед Джулькиной конурой. Похлёбка была очень густая, там было много хлеба и ещё мелко крошено варёное мясо. Джулька сейчас же начал его выедать.

А Лесник ушёл в дом и очень скоро появился в новом, незнакомо пахнущем полушубке и с рюкзаком за спиной. Джулька всё время испытывал непонятную тревогу. Лесник нагнулся к нему, потрепал легонько, погладил и стал говорить

что-то грустным голосом. И Джульке тоже сделалось грустно. Он стоял тихий и присмиривший.

— Сегодня у нас вторник, — говорил Лесник, — а уж до субботы я непременно обернусь. Вот и считай: среда, четверг, пятница — три дни. Будешь тут за хозяина. Не балуй. — Он вздохнул. — А мне, брат, в город надо. Ничего не попишешь — служба.

Он хотел ещё что-то сказать, но тут появились уже знакомые Джульке сани. В них сидел тот же Незнакомец и ещё один — новый. Сани остановились, Лесник сел в них, а Джулька остался у крыльца.

— Ты давай-ка рысью, — попросил Лесник, — а то как бы пёс за нами не увязался.

Незнакомец причмокнул, взмахнул вожжами, конёк сразу побежал. У Джульки сердце сжалось, он бросился за санями, но Лесник крикнул:

— Нельзя, Джульбарс! На место! Дом стереги!

И тут сани скрылись за деревьями.

Просто удивительно, до чего быстро место без человека становится пустым. Вот уже сорока безбоязненно скачет по крыльцу, вот пошёл снежок и припорошил остывшую трубу. И дверь долго-долго не открывается. Тишина кругом, сумерки выползают из леса. И в доме ни звука, ни огонька, даже окон нет. Печально Джульке лежать в конуре, печально и страшно. А выходить и того страшнее. Нет Лесника — пусто!

На следующий день началась настоящая весна. Солнце засветило ровно и горячо, и по всему лесу началась капель, словно после дождя. Конечно, Джулька обрадовался весне вместе со всей природой, но тоска по Леснику не давала ему покоя. Джулька ходил вокруг дома, царапался в дверь, хотя вообще-то знал, что всё это зря. Он не умел помнить, как это умеем мы, не мог представить себе Лесника — высокого, голубоглазого, небритого дня два или три. Но Джулька чувствовал: у него отняли что-то самое важное — словно лапу отрубили.

Лекарство от его печали нашлось неожиданное — голод. Лес-

ник уехал во вторник, оставив Джульке порядочное количество еды. Но Джулька не умел экономить, оставляя про запас. И в четверг вечером оказалось, что есть больше нечего. Джулька лёг спать без ужина.

В пятницу он больше думал о Леснике, чем о какой-то там еде. К тому же вокруг дома нашлось кое-что съестное. Однако в субботу голод стал доносить. Вокруг дома всё было подъедено, и Джулька направился в лес. У него не было какой-нибудь определённой цели: ведь он никогда не охотился, не умел охотиться да и вообще не знал, что охотой он может добыть себе пропитание.

Некоторое время он бесцельно блуждал меж деревьев, вынюхивая по привычке следы и поглядывая на аппетитных птиц, которых в лесу стало много. Вдруг его резко остановил запах еды. Запах был незнакомый, но Джулька знал, что это запах еды. Какое-то особое чутьё сказало ему, что не надо кидаться туда сломя голову, а, наоборот, надо тихо идти, надо красться. Ветер дул в Джулькину сторону, прямо ему в нос, и запах извивался, дразнил, словно огонёк. Так Джулька пробирался минут пять. Наконец он вышел на край небольшой поляны. И в каких-нибудь шести скачках от себя увидел лису, она жрала убитого ею зайца.

Лиса эта была молодая, довольно мелкая. После голодной зимы она ещё не успела как следует окрепнуть. Лиса долго подкарауливала добычу на перекрёстке двух троп и вот, наконец, сумела поймать этого зайца. Тащить его в нору у лисы уже не было сил, и она решила полакомиться им прямо здесь, на месте преступления.

И всё-таки лиса эта — уже взрослый зверь — была, пожалуй, сильнее Джульки. Но у страха глаза велики. Когда Джулька с грозным лаем кинулся из своей засады, лиса метнулась в ельник и потом помчалась, помчалась, не разбирая дороги. Кого лисы боятся больше всего на свете? Собак! Вот в том-то всё и дело.

Джулька пробежал немного и остановился. По глубокому снегу ему за лисой было не угнаться. Он вернулся на поляну и обнюхал убитого зайца. Шерсть сама собою встала дыбом у него на загривке. Впервые Джулька ел сырое мясо. С глухим урчанием отрывал куски побольше и жадно их глотал. Пожалуй, ни один зверь не решился бы сейчас отнять у Джульки его добычу.

Наконец пир был окончен. И тут на Джульку свалилась вдруг страшная усталость. Джулька обвёл поляну пустыми глазами и по собственному следу тронулся в обратный путь. Идти было очень трудно, набитый мясом живот приходилось тащить по снегу, словно мешок, и дрёма запутывала Джульке лапы. Но Джулька упорно шёл домой: а вдруг Лесник уже вернулся?!

Джулька проспал почти целые сутки. Когда он проснулся на следующий день, солнце было уже высоко и слепило до черноты, а кругом бушевала вышедшая из берегов весна — всё таяло прямо на глазах, и птицы едва могли перекричать капель.

Счастливый Джулька потянулся до дрожи и зевнул так, что, наверное, мог бы проглотить свою собственную будку. Он встал и тут же почувствовал, какие у него пружинистые лапы, какое ловкое тело, и крепкие зубы, и чуткие уши, и острые глаза. Джулька почувствовал себя взрослым: он победил вчера лису и ел сырое мясо, теперь он воин и охотник!

Охотник должен идти в лес — за добычей. Но у Джульки нашлись дела поважнее, к тому же он был сыт. Джулька обошёл вокруг дома, ещё раз осмотрел закрытые ставнями окна и молчащую дверь. Нет, Лесника не было. Джулька вышел на дорогу, глянул в ту сторону, куда уехали когда-то сани.

Пусто, ничего там нет, солнце и тени лежат большими пятнами, как обычно, как везде кругом.

Но где же тогда Лесник? Там, за поворотом дороги? Джулька сделал шаг, ещё один, ещё... Ему было очень страшно. И он ни за что не решился бы идти, если б не вчерашнее. Теперь он был куда уверенней. Лапы легко и пружинисто несли его — скачок за скачком. Джулька бежал всё быстрее, всё ловчее с каждым шагом, бежал на поиски хозяина, навстречу неведомым опасностям, бежал, не разбирая следов. А снег разлетался под его лапами тяжёлыми белыми брызгами.

Вдруг деревья перестали скакать слева и справа от дороги — лес кончился. Джулька невольно остановился. Ещё никогда он не видел так много всего сразу. Он стоял на высоком холме. Внизу разлёгся широкий деревянный мост. К нему изпод Джулькиных лап тянулась дорога, которая потом, змеясь,

взбегала чёрной полосой на другой холм, где была рассыпана горстка домов. А внизу, под мостом, дорогу пересекала крест-накрест другая тёмная лента. Это была река, ещё покрытая льдом. Но льдом ненадёжным, рыхлым, весенним.

От всего увиденного, от необыкновенной огромности простора Джулькина решительность сразу исчезла. Ему казалось, что он замечен со всех сторон, и от этого было очень неудобно. Всё-таки Джулька спустился к мосту. Ведь Лесника надо искать! По пути ему встретилось удивительное. В нескольких

местах из-под снега вылезла живая чёрная земля. У неё был какой-то особенный, незнакомый и очень хороший запах.

Но вот и мост. Джулька опасливо ступил на мокрые тёмные брёвна, лапам его показалось, что они идут по полу или по крыльцу Лесникового дома. И Джулька решил, что раз так — Лесник должен быть где-то рядом. Ободрённый этим, он, не раздумывая особенно, легко взбежал на гору и оказался в деревне. Пахнул ветер, и сейчас же к Джульке сбежалась целая орава запахов: дыма, скотного двора, собак. Но зато было тихо. Только иногда редкими птицами пролетали одинокие звуки — почти всегда незнакомые. Джулька стоял в нерешительности у самого входа в деревню. Раза два или три он видел, как по улице шагают куда-то незнакомцы. Здесь, наверное, было много незнакомцев. Но никто из них не обратил на Джульку внимания и даже не заметил его. Это было хорошо.

Так он стоял неизвестно сколько. Но вдруг, откуда ни возьмись, в нос ему ударил запах еды. Джулька принюхался: еда была где-то недалеко — с каждым шагом запах усиливался. Это был хорошо знакомый запах овсянки, какую он не раз получал от Лесника. Значит, Лесник всё-таки был здесь!

Джулька пробежал уже мимо трёх заборов, а запах всё был впереди. Наконец у четвертого забора Джулька понял — тут. Он протиснулся в дыру между двух досок — здесь, наверное, лазили кошки — и оказался на чужом дворе. Совсем медленно, переставляя лапу за лапой, он стал подбираться к дому. Пахло жильём, прошлогодним сеном, собакой. Всё это было Джульке как будто знакомо. Но не только потому, что похожие запахи были в их с Лесником доме, а ещё почему-то...

Вблизи дома стояла конура, вроде Джулькиной, и тут же была миска с овсяной похлёбкой. Джулька воровато огляделся — никого рядом не было. Так и нечего больше раздумывать.

Он шагнул к миске. Теперь ему стало совершенно ясно: Лесник был где-то рядом.

Джулька успел сделать лишь несколько сладких жадных глотков, как вдруг дверь отворилась, и женщина, появившаяся на пороге, крикнула на Джульку:

— Пошёл! Пошёл вон!.. Альма, взять!

Сейчас же из-за дома вылетела огромная, как показалось Джульке, серая собака. Она в один прыжок догнала Джульку,

сбила его с ног и уже готова была схватить за горло, но вдруг остановилась. Во-первых, она поняла, что перед ней просто щенок, а во-вторых... во-вторых, было ещё что-то более важное. Она как будто узнала в этом щенке кого-то. Но кого?..

А Джульке этого мгновения хватило, чтобы вскочить и пулей метнуться к забору, к прогалине в досках.

Альма в нерешительности посмотрела на Хозяйку.

— Ты что же это? — закричала Хозяйка. — Что же ты это, Альма?

Альма смотрела на Хозяйку и виляла хвостом. И тут вдруг Хозяйка догадалась.

— Ах ты господи! — всплеснула она руками. — Альма! Да ведь это же наша собачка, Джульбарс! Ах ты, умница моя!

Альма как будто этих слов только и ждала, она бросилась догонять своего сына — ведь это был её сын Джульбарс!

Сердце у неё прыгало беспокойно и счастливо. Она долго провозилась, отворяя мордой калитку, и когда выскочила на улицу, Джулька был уже далеко.

Альма бежала за ним, лая громким материнским лаем. А Джулька, может, что и хотел бы понять, да ему было не до того. Он слетел с горы, проскочил мост, единым духом взбежал на гору, где начинался лес, и помчался по дороге, вдоль которой опять скакали деревья. А мать всё бежала за ним.

Но чем дальше она уходила от дома, тем меньше в ней было уверенности, что это действительно её щенок. И когда Джулька, взлетев на крыльцо Лесникового дома, строго, похозяйски залаял, мать остановилась, решив, что нет, видно, это не он. Потом опустила голову, отвернулась и побежала прочь.

И тут Джулька тоже словно что-то вспомнил. Он выскочил на дорогу, однако не побежал за незнакомой собакой, а лишь долго смотрел ей вслед, пока она не исчезла за деревьями.

В этот миг и кончилось Джулькино детство. И когда на завтра Лесник вернулся домой, его встретил взрослый пёс — охотник и воин Джульбарс.

Для дошкольного возраста

Иванов Сергей Анагольевич

ДЖУЛЬКИНО ДЕТСТВО

Ответственный редактор

К. Д. Арон.

Художественный редактор

М. Д. Суховцева.

Технические редакторы

Г. В. Лазарева

и И. Я. Колодная.

Корректор Н. А. Сафронова.

Сдано в набор 14/1-73 г. Подписано в

печать 13/III-73 г. Формат 60×90%.

Печ. л. 3. Уч.-изд. л. 248. Тираж

300 000. ТП 1973 № 58. Цена 15 коп. на

бум. для глуб. печ. № 1. Ордена Тру-

дового Красного Знамени издательство

«Детская литература» Государственно-

го комитета Совета Министров РСФСР

по делам издательств, полиграфии и

книжной торговли. Москва, Центр,

М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудо-

вого Красного Знамени фабрика «Дет-

ская книга» № 1 Росглаволиграфпрома

Государственного комитета Совета Ми-

нистров РСФСР по делам издательств,

полиграфии и книжной торговли. Мо-

сква, Сушецкий вал, 49. Заказ № 68.

И 0761—263^{58—73}
101(03)73

